

Научная статья

УДК 81-112

DOI: 10.47438/2309-7078_2023_3_118

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ИДЕИ АПОЛЛОНИЯ ДИСКОЛА

Николай Викторович Корнилов¹

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых¹
Владимир, Россия

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, ORCID ID: 0000-0003-3632-1968, тел.: 8(4922)479-987, e-mail: kornilov_nikolai@mail.ru

Аннотация. Автор публикации обращается к научному наследию александрийского грамматика Аполлония Дискола, которого часто называют основоположником и «отцом» синтаксиса в Древней Греции. К сожалению, мы располагаем скудными сведениями о его жизни. Многие работы Аполлония Дискола не сохранились. В статье рассматриваются и анализируются основные синтаксические идеи этого александрийского грамматика, которые содержатся в его труде «Синтаксис частей речи» и позволяют получить определённое представление о созданной им синтаксической системе. Автор статьи отмечает, что в её основе лежит учение о сочетаемости частей речи в «самодостаточное высказывание» с учётом их семантики и функций. Основой такой структуры являются имя (*ὄνομα*) и личный глагол (*ῥήμα*), а другие части речи присоединяются к ним по определённым законам и правилам. При этом личная глагольная форма, по мнению Аполлония Дискола, является «центральным узлом» (доминантой) предложения (вербоцентризм). Кроме того, показано влияние синтаксических взглядов Аполлония Дискола на дальнейшее развитие языкознания. Приводятся выдержки из работ русских и зарубежных лингвистов, в которых содержатся схожие суждения и мысли. Многие идеи, высказанные этим греческим грамматиком, продолжают оставаться актуальными и для современной синтаксической науки. Новизна публикации состоит в самом предмете анализа, который в выбранном автором аспекте ранее специально не исследовался.

Ключевые слова: Аполлоний Дискол, синтаксис, «самодостаточное высказывание», предложение, имя, личная глагольная форма, доминанта предложения, verboцентризм, подлежащее, сказуемое, определение, обстоятельство.

Для цитирования: Корнилов Н.В. Синтаксические идеи Аполлония Дискола // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 3. С. 118–128. DOI: 10.47438/2309-7078_2023_3_118

Введение

Некоторые проблемы грамматической теории, поднятые в прошлом, продолжают оставаться для современных языковедов предметом многочисленных споров. Представляется рациональным мнение, согласно которому обращение к истории синтаксических идей поможет пролить определённый свет на решение таких вопросов, поскольку оно позволяет проследить их сложный эволюционный путь в науке о языке. При этом не стоит забывать, что «история науки всегда современна – не в смысле поверхностной и наивной модернизации исторических фактов (под предлогом показа их "связи с современностью"), а потому, что в своём подходе к этим фактам, характере интерпретации исторического процесса она отражает сегодняшний день науки, методы исследования, которыми данная наука овладела» [12, с. 175].

Кроме того, в XXI в. историк языкознания должен «перейти от добросовестных описаний и наскучивших переписываний трудов различных мыслителей древности к осмыслению и переосмыслению их достижений в кругу терминов, понятий, категорий и представлений современной лингвистики» [14, с. 4].

Античность – колыбель европейской науки и культуры. Вот почему изучение научного наследия этого исторического периода представляет интерес для исследователей. Дело в том, что труды древнегреческих философов и филологов, являясь первоисточником всего европейского языкознания, положили начало научной грамматике, указали ей основные направления развития на несколько столетий вперёд. Осмысление лингвистических идей прошлого позволяет точнее интерпретировать факты настоящего, помогает преодолеть ограниченность

восприятия тех или иных вопросов, формирует многоаспектный подход к решению грамматических проблем.

Как известно, древнегреческие философы занимались онтологией, логикой и гносеологией. С этой целью они часто обращались к языковым проблемам. Примечательно, что «категории бытия, мышления и языка осознаются античной философией в их единстве, но очень нечётко в их противоположности и почти неизменно сливаются», поэтому мыслители стремятся «растворить языковую закономерность в онтологической или логической закономерности, и на долю языка остаётся очень мало специфического помимо его внешней формы» [6, с. 23]. Тем не менее сохранившиеся тексты и фрагменты свидетельствуют, что многие античные философы и филологи изучали фонетику, лексику и морфологию. Историки языкознания отмечают, что многие работы, посвящённые синтаксису, не сохранились. Важную роль в его разработке сыграл *Аполлоний Дискол* – один из выдающихся представителей александрийской грамматической школы. Обращение к его научному наследию связано с тем, что этот греческий грамматик, опираясь на труды предшественников, высказал ряд идей, дающих определённые представления о развитии синтаксиса в античности.

Существуют разные мнения о прозвище этого греческого синтаксиста. К.Я. Люгебиль (1830–1887) полагал, что «если, однако, несмотря на ... громкую славу, которой пользуется Аполлоний Дискол, и поныне редкий филолог изучает его сочинения, то причина тому – своеобразность и тяжёлая форма изложения их, которая, судя по сведениям, дошедшим до нас из древности, может быть, и доставила Аполлонию прозвище Дискола» (Δύσκολος), что в переводе с древнегреческого языка означает «тяжёлый» [21, с. 113; 30, с. 98]. Иногда слово «δύσκολος» трактуют как «сердитый» или «угрюмый», намекая на суровый нрав и неуживчивый характер самого Аполлония [20, с. 17; 21, с. 113].

Следует отметить, что историки языкознания до сих пор не располагают точными сведениями, связанными с жизнью и научным наследием Аполлония Дискола. Одни исследователи (И.М. Тронский, В. Томсен, В.В. Виноградов, Н.М. Александров, Р.М. Оленич, Л.Н. Гаврило, Н.П. Гринцер, Б.М. Никольский, В.М. Алпатов, Е.А. Поликарпов), полагают, что этот выдающийся греческий грамматик жил во II в. н.э. [2, с. 12; 4, с. 11; 6, с. 28; 9, с. 329; 10, с. 1; 11, с. 7; 13, с. 2; 14, с. 9; 25, с. 3; 26, с. 223; 30, с. 96; 33, с. 22]. Другие языковеды (В.И. Мажуга, Я.В. Лоя, Н.С. Шарифутдинова) уточняют, что его научная деятельность приходится либо на первую [5, с. 659; 19, с. 20; 36, с. 295], либо на вторую треть [22, с. 236, 273], либо на вторую половину II в. н.э. [36, с. 151]. Наконец, некоторые языковеды (А.В. Добиаш, Н.Д. Арутюнова) указывают, что Аполлоний Дискол и его сын Элий Геродиан жили в конце II – начале III в. н.э. [7, с. 449; 16, с. 1].

Историки античного языкознания (Р.М. Оленич, Л.Н. Гаврило), ссылаясь на Суду (лексикон Суды), – крупнейший энциклопедический словарь на греческом языке, составленный в Византии в X–XI вв., полагают, что Аполлоний Дискол написал более 30

работ, посвящённых проблемам акцентуации, лексикологии, морфологии, синтаксиса и греческой диалектологии. К сожалению, сохранилось только 5 из них: «О синтаксисе частей речи» (далее – «Синтаксис») в 4-х книгах (нет окончания IV книги), «О местоимениях», «О союзах», «О наречиях», «Об удивительных звуках» [11, с. 8–9; 26, с. 223]. Кроме того, Аполлонию Дисколу приписывают такие работы, как «Об элементах речи», «О просодии» (восьмичастное исследование по теории акцентуации), «Об именах». В трудах самого александрийского грамматика находим ссылки на его же сочинения «О препозитивном члене» и «О постпозитивном члене». Автору «Синтаксиса» приписывают также ряд трактатов: «О причастиях», «О предлогах», «О синтезе» [11, с. 8].

В истории лингвистики находим разные мнения о научном наследии Аполлония Дискола. Исследователь античной грамматической науки А. Гrefенган называет его «основателем греческого синтаксиса» в том смысле, что «не сохранилось ни одного сочинения, в котором бы научно разрабатывался этот отдел грамматики» [16, с. 7]. Подобной точки зрения придерживаются и некоторые современные языковеды, называя Аполлония Дискола «основоположником» синтаксической науки, использовавшим опыт своих предшественников и творчески переосмыслившим его; автором «первого синтаксического произведения»; «создателем научного синтаксиса и философской грамматики речи»; «изобретателем синтаксиса»; «главным авторитетом в области синтаксиса» [2, с. 12; 6, с. 28; 11, с. 4, 6, 7; 14, с. 10].

Напротив, А.В. Добиаш (1846/47–1911) считал несущественным вопрос о том, был ли Аполлоний Дискол основателем синтаксиса или только одним из его исследователей. Тем не менее он высказывает мнение, согласно которому александрийского грамматика «нужно считать не основателем греческого синтаксиса, а только уцелевшим представителем греческих синтаксистов» [16, с. 144]. В работе «Синтаксис Аполлония Дискола» (1882) исследователь пытался «изложить всю систему» синтаксиса, созданную выдающимся античным грамматиком, обозначить её основной предмет и показать её научную направленность. Кроме того, он составил план «Синтаксиса», дифференцировал ряд терминов, встречающихся у Аполлония Дискола.

В.В. Виноградов (1894/1895–1969) отметил, что А.В. Добиаш «надеялся найти разрешение основных синтаксических проблем в возрождении многих светлых идей античной грамматики и в самостоятельном, творческом развитии их» [9, с. 328]. Автор «Синтаксиса Аполлония Дискола» пытался построить собственную «систему синтаксиса на семасиологической почве», выбрав для себя наглядным образцом труд древнего семасиолога-синтаксиста [9, с. 329].

Известный римский политический деятель, оратор, философ и писатель Марк Туллий Цицерон (106 г. до н.э. – 43 г. до н.э.) в диалоге «О законах» назвал древнегреческого географа Геродота (ок. 484 г. до н.э. – ок. 425 г. до н.э.) «отцом истории» [35, с. 134]. Аналогично поступил немецкий языковед и младо-

грамматик Бертольд Дельбрюк (1842–1922), который в предисловии к работе «Сравнительный синтаксис индоевропейских языков» (1893) отметил, что Аполлоний Дискол – «отец синтаксиса» [30, с. 96]. Подобный «титул» прочно закрепился за древнегреческим грамматиком в истории языкознания, употребляясь и в современных работах о нём [13, с. 2; 30, с. 96].

Справедливости ради следует отметить, что до появления «Синтаксиса» Аполлония Дискола уже были написаны работы, посвящённые подобной проблематике. Среди них можно выделить труды Трифона (I в. н.э.) и его ученика Габрона (I в. н.э.). Исследователи доказали, что для александрийского грамматика они послужили «ценным источником» [10, с. 6]. В тексте «Синтаксиса» Аполлоний Дискол называет имена некоторых своих предшественников (Аполлония Антероса, Аристарха, Героклида Милетского) для подкрепления собственной позиции или полемики с ними [10, с. 6]. Языковеды также отмечают, что синтаксическими вопросами занимались такие грамматикомы, как Дидим, Телеф Пергамский, Элий Теон, Павсаний Цезарейский (II в. н.э.) [16, с. 7; 26, с. 223]. К сожалению, их труды не сохранились. Вот почему до недавнего времени среди исследователей господствовало мнение о «некой обособленности труда Аполлония Дискола, а теория синтаксиса в истории греческой грамматики представляла чем-то наподобие позднего и не слишком удачного ребёнка» [14, с. 10].

По мнению Л.Н. Гаврило, «До Аполлония Дискола в работах его предшественников синтаксические проблемы возникали и ставились как бы мимоходом, основное внимание было уделено либо логическому анализу, либо практике использования языка для установления и критики литературных текстов» [11, с. 34–35].

Главной работой Аполлония Дискола является «Синтаксис», благодаря чему он и стал всемирно известен. Сохранилось несколько изданий этого труда. Впервые он был опубликован итальянским издателем и типографом Альдо Мануцием Старшим (1450–1515) в 1495 году в Венеции. Через 20 лет «Синтаксис» был переиздан «доктором искусств и медицины» Ефросином Бонином. В 1535 г. появилось третье издание Иоганна Херадама. В конце XVI в. Фридерик Сильбург (1536–1596) опубликовал работу Аполлония Дискола 4-м изданием, где «были использованы примечания филолога эпохи Возрождения Франциско Порты и его перевод «Синтаксиса» на латинский язык» [11, с. 10]. В XIX–XX вв. тоже появилось несколько изданий «Синтаксиса». В 1817 г. Карл Фердинанд Беккер (1775–1849) – известный немецкий языковед, создатель логико-грамматической теории предложения – опубликовал труд Аполлония Дискола. В 1877 г. «Синтаксис» был переведён на немецкий язык Александром Буттманном (1813–1893). В 1910 г. появилось специальное научное издание под редакцией Густава Улига (1838–1914).

В вузовских учебниках по истории лингвистических учений находим лишь общую информацию, связанную с жизнью и научным наследием Аполло-

ния Дискола. Кроме того, авторы некоторых учебных пособий, анализируя процесс развития античного языкознания, даже не упоминают об этом греческом грамматике [3; 37]. Вот почему синтаксические идеи Аполлония Дискола продолжают оставаться полузабытыми в современном языкознании.

Автор настоящей статьи, обращаясь к лингвистическому наследию Аполлония Дискола, ставил следующие задачи: выявить основные идеи александрийского грамматика, позволяющие получить ясное представление о его синтаксической системе, показать их влияние на дальнейшее развитие языкознания, в том числе и современного.

Результаты

«Синтаксис» Аполлония Дискола – это во многом уникальный для своего времени труд, в котором автор рассматривал не только теоретические, но и практические вопросы. По мнению Л.Н. Гаврило, «излагая и анализируя материал, александрийский грамматик все свои выводы и наблюдения подтверждает примерами из произведений поэтов, прозаиков, философов, товарищей-грамматиков, из общественной жизни и повседневного употребления» [11, с. 54]. Аполлоний часто цитирует Гомера, однако «немалое место в "Синтаксисе"» занимают также Пиндар, Алкман, Вакхилид, Сапфо, Алкей, Менандр, из аттических писателей цитируется Ксенофонт» [11, с. 54]. Можно с уверенностью сказать, что ссылки на работы предшественников и использование примеров из литературы разных стилей придают научный характер этой работе.

Как уже было отмечено ранее, «Синтаксис» Аполлония Дискола состоит из 4-х книг. Первая из них посвящена артиклям и его сочетаниям с именами. Во второй книге автор рассматривает местоимения, анализирует их сочетаемость с другими частями речи. В третьей книге поднимается вопрос о солецизмах (синтаксических ошибках), об инфинитиве, глагольных наклонениях, залогах, о сочетаемости глаголов с другими частями речи, а также о синтаксических функциях косвенных падежей. Объектами изучения в четвёртой книге стали предлоги и наречия.

Следует отметить, что Аполлоний Дискол, отдавая должное традициям александрийской грамматической школы и в первую очередь Дионисию Фракийскому, рассматривает 8 частей речи: имя, глагол, причастие, артикль, местоимение, предлог, наречие и союз. Такой порядок «подобен порядку букв и последовательности членов предложения: выстраивается некая универсальная иерархия, пронизывающая все уровни языка – от звука (буквы) до синтагмы (предложения), связывающая слово (*λέξις*, *φωνή*) и высказывание (*λόγος*)» [14, с. 21]. Объяснять эту иерархию можно по-разному. С одной стороны, такое упорядоченное устройство «в принципе делает возможным рациональный анализ языка, не ограничиваясь лишь констатацией различных языковых употреблений» [14, с. 21]. С другой стороны, «эта иерархия, по-видимому, служила для Аполлония отражением всеобщего «естественного (*φύσει*) порядка мироустройства» [14, с. 21].

В современном языкознании синтаксис обычно определяют как раздел грамматики, в котором объ-

ектом изучения являются словосочетания и предложения [31, с. 444]. Принято считать, что сам термин *σύνταξις* был введён в научный оборот стоиками. Он имел у них логическое, а не грамматическое содержание (см. [17, с. 85–86]). По наблюдениям исследователей, у Аполлония Дискола можно встретить около 500 случаев употребления слова «синтаксис» [11, с. 49]. Александрийский грамматик понимал этот термин в широком смысле. С одной стороны, синтаксис для него – это сочетание и связь элементов фонетического и морфологического уровней языка (звуков, букв, слогов, а также слов, образованных путём словосложения). Подобное определение характеризует «малый синтаксис». С другой стороны, синтаксис – это закономерное сочетание и связь слов в словосочетании и в предложении («большой синтаксис») [10, с. 8; 11, с. 49–50; 13, с. 4; 24, с. 28; 26, с. 229]. Иначе говоря, «синтаксис межсловесный как бы подготавливается синтаксисом "внутри слова": недаром у Аполлония "синтаксису частей речи" предшествовали, по его собственным словам, трактаты об отдельных словах (φωναξ)» [13, с. 5]. Этот греческий грамматик предложил «универсальное понимание синтаксиса как своего рода внутренней связи языковых элементов всех уровней» [13, с. 6].

Л.Н. Гаврило в кандидатской диссертации «Синтаксическая система Аполлония Дискола» (1982), осознавая, насколько широко понимал слово «синтаксис» Аполлоний Дискол, выделила следующие его значения и оттенки: 1) «сочетание асемантических элементов (букв, слогов), общее понятие для обозначения синтетического и паратетического употребления предлога»; 2) «сочетание слов в словосочетании и предложении согласно их значению»; 3) «чисто синтаксическое значение термина *σύνταξις*» («основные виды и способы связи слов в предложении, обозначение выражения, конструкции»); 4) «позиция, место, размещение»; 5) «сочинение, исследование, изложение» [11, с. 49].

По мнению Н.П. Гринцера, «такое универсальное понимание синтаксиса Аполлоном зачастую считается доказательством ещё недостаточной выделенности и самооформленности этого раздела грамматики, его "несвободы" от фонетики и морфологии» [14, с. 19–20].

Уже в самом начале своей работы Аполлоний Дискол ставит перед собой две задачи: 1) исследовать правила сочетания слов в законченное предложение («цельную речь») с учётом их значений; 2) показать практическое применение теоретических основ синтаксиса «для истолкования произведений поэтов» [11, с. 52; 16, с. 17].

А.В. Добиаш полагал, что «предметом изучения» для александрийского грамматика является «уражение построения из отдельных слов *цельной речи*, а *началом* его синтаксической системы служит определение *значения* этих слов» [16, с. 65].

Прежде чем перейти к рассмотрению синтаксических идей Аполлония Дискола, хотелось бы отметить, что он не употребляет в своих работах такие грамматические термины, как член предложения, подлежащее, сказуемое, определение, дополнение,

обстоятельство. Вместо них используются морфологические понятия и категории. Так, именительный падеж при личном глаголе считается подлежащим, а личная глагольная форма – сказуемым. Названия косвенных падежей имён существительных обозначают дополнение, а термин «определятельное имя» используется для наименования определения. Термины морфологии у Аполлония Дискола имеют синтаксическое содержание, выражая понятия о членах предложения. Другими словами, греческий грамматик так и не смог «отделить» друг от друга эти два раздела грамматики. Тем не менее Аполлоний Дискол, используя морфологическую терминологию при описании синтаксической системы, пытается отойти от давней традиции, основанной на категориях формальной логики, и встаёт на почву самого языка, пытаясь изучать его, по меткому выражению Ф. де Сосюра (1857–1913), «в самом себе и для себя».

Историки языкознания полагают, что создателями таких грамматических терминов, как «подлежащее» (*suppositum*) и «сказуемое» (*appositum*) были средневековые модисты (школа Томаса Эрфуртского) [29, с. 58], отличавшие их от субъекта и предиката логического суждения. Если последние «представляют собой, как правило, группы слов, заключающие в себе весь состав подлежащего (субъект) и весь состав сказуемого (предикат)», то подлежащее и сказуемое «соответствуют у модистов отдельным словам» [29, с. 58].

Центральной единицей синтаксической системы является предложение. Какой смысл Аполлоний Дискол вкладывает в это понятие? В «Синтаксисе» он использует выражение *αὐτοτελής λόγος*, которое историки-лингвистики трактуют по-разному. Одни исследователи (А. Буттманн, Л. Ланге, Э. Еггер) полагают, что Аполлоний Дискол отождествляет его с понятием «предложение» в грамматическом значении (см. [26, с. 230]). Другие языковеды (А.В. Добиаш), выдвигая тезис о том, что Аполлоний Дискол был далёк от логико-грамматической теории предложения, переводят выражение *αὐτοτελής λόγος* как «цельная речь» [16, с. 29]. По мнению Р.М. Оленича (1927–1995), толкование А.В. Добиаша не совсем убедительно, поскольку «в ряде мест Аполлоний говорит о правильной синтаксической форме предложения (*καταλληλότης τοῦ αὐτοτελοῦς λόγου*)» и «имеет в виду предложение, выражающее определённую законченную мысль, правильно синтаксически оформленную» [26, с. 230]. К.Я. Любевиль заметил, что в тексте «Синтаксиса» термины *λόγος* и *αὐτοτελής λόγος* могут обозначать как предложение, так и «целую речь, сказанную, например, в суде или на вече и, может быть, длившуюся часов семь или восемь» [21, с. 131].

Аполлоний Дискол трактует предложение как «самодостаточное высказывание» (*αὐτοτελής λόγος*), в котором ни одно слово «не требует объяснения, расширения значения при помощи других слов»: «Платон живёт», «Трифон прогуливается», «Дионисий дышит» [11, с. 61; 26, с. 230]. Другими словами, личные глаголы в сочетании с именами существительными в именительном (прямом) падеже передают законченную мысль. «В данном случае, – отме-

чает Л.Н. Гаврило, – Аполлоний рассматривает конструкции непереходных, «завершённых» глаголов (*αὐτοτελή*), общим признаком которых является то, что они не требуют косвенных падежей и не образуют страдательного залога» [11, с. 61].

Отметим, что подобная трактовка предложения – следование традициям стоической грамматики, представители которой полагали, что грамматическое предложение – это «полное (самодовлеющее) высказывание» (*λεκτόν αὐτοτελές*). Известно, что именно стоики разделяли высказывания на законченные (*αὐτοτελές*) и незаконченные (*ἔλλιπές*) (см. подробно [17, с. 86]).

Аполлоний Дискол обнаруживает две особенности у предложений. С одной стороны, слова, из которых они состоят, подбираются не в произвольном порядке, а «соединяются в зависимости от их лексического значения, чтобы целое также выражало определённую мысль: "живу в доме", "приветствую Дионисия"» [11, с. 41]. С другой стороны, Аполлоний Дискол, отдавая дань традициям александрийской грамматической школы, считал, что «слог находится в таком же отношении к слову, как и слово к предложению» [11, с. 41–42].

Аполлоний Дискол полагал, что научная грамматика (*ἐπιλοκή*) должна строиться по определённым законам. Важное место в «Синтаксисе» занимает понятие *καταλλήλοτης*. Этот термин некоторые исследователи (А. Буттманн, Л. Ланге, Э. Еггер) переводят как *согласование* [16, с. 18; 26, с. 230]. Однако А.В. Добиаш, ссылаясь на отдельные отрывки из «Синтаксиса», убедительно доказал, что слово *καταλλήλοτης* обозначает «законы всякого рода сочетаемости слов», своего рода принцип «семантического управления» [14, с. 23; 16, с. 18–22]. Тем более что свою основную цель александрийский грамматик видел в том, чтобы разъяснить правила сочетания отдельных слов в цельную речь. При таком подходе согласование оказывается частным проявлением *καταλλήλοτης*. В центре внимания Аполлония Дискола оказываются синтаксические функции частей речи. При этом ещё Л. Ланге (1825–1885) отмечал, что в работе Аполлония Дискола «не следует искать чёткого и последовательного изложения синтаксиса каждой из восьми частей речи в отдельности» [11, с. 55].

Итак, учение о сочетаемости слов занимает центральное место в синтаксической системе Аполлония Дискола, указавшего «на свойство слов присоединяться к другим разрядам слов и вместе с ними создавать самостоятельное предложение» [26, с. 230]. При этом для александрийского грамматика «законы языка и правила зависимости определены» не только «аналогией, авторитетом выдающихся поэтов» (например, Гомера), но и «речевой практикой, грамматической формой слова и его местом в предложении» [11, с. 39].

Б.М. Гаспаров в статье «Лингвистическая концепция Московской школы и проблема структурного описания языка» (1970) назвал Аполлония Дискола предшественником Ф.Ф. Фортунатова (1848–1914) на том основании, что в тексте «Синтаксиса» «находим ряд чисто формальных определений, иногда по-

разительно совпадающих с соответствующими определениями Московской школы» [12, с. 184–185]. Александрийский грамматик, как уже отмечалось ранее, понимал синтаксис как совокупность правил сочетаемости слов в законченное предложение («цельную речь») с учётом их значений. Другими словами, Аполлоний Дискол в центр синтаксической системы поместил слово с его семантикой («синтаксис слова»), которая во многом и определяла построение «самодостаточного высказывания». Похожие формулировки находим и у Ф.Ф. Фортунатова: «Язык состоит из слов, которые, за исключением лишь некоторых, вступают между собою в сочетания в суждениях, в предложениях; поэтому в словах языка мы должны различать слова отдельные и слова в их сочетаниях в мышлении, а потому и в речи, в предложениях» [34, с. 131]. И далее: «Сочетание одного слова с другим в предложении образует то, что я называю, в отличие от отдельных слов, словосочетанием», которое «может быть законченным, представляющим целое, законченное предложение, и незаконченным, представляющим часть другого словосочетания, законченного» [34, с. 131]. Примечательно, что в работе «Союз» Аполлоний Дискол разделяет предложения на полнозначные («Есть день») и неполные («Есть ли день?»). В последнем случае частица «ли» «требует объяснения, других слов» [26, с. 230].

По мнению Б.М. Гаспарова, взгляды Ф.Ф. Фортунатова во многом созвучны синтаксическим идеям Аполлония Дискола, поскольку они «ориентируются на языковую форму, освобождаясь от логико-семантических определений, столь характерных для античной теории языка в целом» [12, с. 201]. К примеру, в тексте «Синтаксиса» находим фрагмент, в котором автор чётко различает смысловую и грамматическую правильность и называет нарушения первой варваризмами, а второй – солецизмами: «Итак, выражение *этот меня ударил*, сказанное о женщине, не заключает в себе погрешности речи: ведь оно обладает должной согласованностью. Если же кто-нибудь, когда дело идёт о женщине, сказал бы *эта меня ударили*, он, без сомнения, скажет солецизм вследствие несогласованности слов, хотя он и правильно указывает род. Ведь согласованность или несогласованность заключается не в предметах, но в соединении слов, которые могут изменяться в должном направлении, между тем как предметы всё время остаются теми же» [6, с. 138].

Система выстраивания частей речи в «самодостаточное высказывание», по мысли Аполлония Дискола, имеет иерархический характер и зависит от их значения и функций. Основой такой структуры являются имя (*ὄνομα*) и личный глагол (*ῥήμα*). Остальные части речи присоединяются к ним по определённым законам и правилам. Так, артикль сочетается только с именем, наречие – только с личным глаголом, тогда как «причастие в равной мере принадлежит имени и глаголу, местоимение заменяет имя и связывается с глаголом, *ῥόδις* (предлог и приставка) также присоединяется к обоим "главным" частям речи» [11, с. 55].

Александрийский грамматик считал, что без имени и глагола невозможно образовать предложение. В этом утверждении заметно влияние грамматических идей предшественников. Так, ещё Платон и его последователи «расчленили суждение-предложение на две части: имя (опома) и глагол (rhema), понимаемые как языковые выражения субъекта и предиката» [7, с. 449]. Кроме того, стоики полагали, что предложение «обычно двухкомпонентно, поскольку построено по модели логического суждения (S + P)» [17, с. 86]. Автор «Синтаксиса» приводит следующий пример: «Этот человек, поскользнувшись, сегодня упал». Данное высказывание будет неполным и незавершённым без имени и глагола. Однако «без остальных частей речи оно сохраняет способность передавать законченную мысль» [11, с. 56]. Подобное рассуждение стало основой классификации членов предложения на главные и второстепенные, которая до сих пор представлена в современных школьных и вузовских учебниках.

Аполлоний Дискол полагал, что между именем существительным в именительном падеже и личной формой глагола устанавливается предикативная связь, для которой в тексте «Синтаксиса» не нашлось специального термина. Для её обозначения используются следующие выражения: «глаголы в конструкции с прямым падежом», «глаголы, присоединённые к прямому падежу» [11, с. 62]. Предикативные отношения, как считал Аполлоний Дискол, представляют собой «связь между двумя взаимообусловленными компонентами предложения» [11, с. 61].

По мысли александрийского грамматика, синтаксические отношения между компонентами структурной основы предложения имеют иерархический характер. Среди исследователей научного наследия Аполлония Дискола нет единого мнения по этому вопросу. Одни языковеды (Л.Н. Гаврило) указывают, что для автора «Синтаксиса» доминантой предложения было имя (*ὄνομα*) [11, с. 79]. Другие лингвисты (А.В. Добиаш, Р.М. Оленич) отмечают, что Аполлоний Дискол личный глагол (*ῥήμα*) считал вершиной «законченного высказывания» [16, с. 60; 26, с. 231]. Последний подход представляется наиболее убедительным.

Дело в том, что в тексте «Синтаксиса» можно найти фрагменты, в которых доказывалось, что личная глагольная форма является отправной точкой («центральной узлом») при построении «законченного высказывания», а другие слова «входят ... в весьма определённое отношение к этой части речи как её распространители» [16, с. 60–61]. Во-первых, именно от глагола «исходит вся цельная речь таким образом, что смысл личного глагола требует ещё дополнения или определения смыслом имени в именительном или в так называемых косвенных падежах» [21, с. 134]. Во-вторых, Аполлоний Дискол полагал, что не только имена существительные в косвенных падежах, но и имена существительные в именительном падеже зависят от личной глагольной формы, которая «в своём окончании указывает» на подлежащее [16, с. 45, 173–174]. Например, в предложении «Я люблю своё отечество» флексия словоформы «люблю» обозначает лицо личного местоимения «я»,

выступающего в роли подлежащего. В-третьих, александрийский грамматик приводил примеры, в которых отсутствуют подлежащие (безличные конструкции): «Темнеет», «Морозит», «Тошнит», что также указывает на доминирование личного глагола над именем существительным в именительном падеже [16, с. 45, 173–174].

Следует отметить, что синтаксическая идея Аполлония Дискола о зависимом положении имени существительного в именительном падеже (подлежащего) получила дальнейшее развитие у средневековых модистов (конец XIII – начало XIV века), считавших, что в словосочетании *filius Socratis* («сын Сократа») первый компонент в форме именительного падежа грамматически зависим, так как «значение "сын" предполагает определённые отношения, предполагает "родителей"» [29, с. 49]. Кроме того, о второстепенности подлежащего писали отечественные и зарубежные языковеды XIX–XX вв. Так, в работе «Начертание русского синтаксиса» П.М. Перевлеского (1815–1866) приводится логико-семантическая аргументация, доказывающая зависимость подлежащего от сказуемого. Сравнивая эти главные члены предложения, автор пришёл к выводу, что «из них подлежащее есть член подчинённый, а сказуемое – подчиняющий», поскольку «сказуемое составляет собственно содержание предложения и выполняет главную цель и задачу суждения – определить частное через общее» [28, с. 6]. Вот почему «нередко целое предложение выражается одним сказуемым, а подлежащее в нём пропускается» [28, с. 6]. Аналогичного мнения придерживался русский педагог и филолог А.А. Дмитриевский, который в статье «Практические заметки о русском синтаксисе», опубликованной в журнале «Филологические записки» за 1877–1878 гг., отмечал, что подлежащее является второстепенным членом предложения, а точнее – главной разновидностью дополнения наряду с прямым и косвенным [15, с. 35] (о синтаксических идеях А.А. Дмитриевского подробно см. [18]). В XX в. Л. Теньер (1893–1954) также считал подлежащее дополнением. Например, в предложении *Alfred parle* («Альфред говорит»), по его мнению, подлежащее *Alfred* грамматически зависит от сказуемого *parle* [32, с. 24].

Кроме того, мысль Аполлония Дискола о том, что окончание личной глагольной формы указывает на подлежащее, получила дальнейшее развитие в трактовке грамматической природы безличных предложений в русском языкознании XIX–XX вв. Так, Ф.И. Буслаев (1818–1897) полагал, что в предложениях типа «Рассветает» и «Ему не сидится» подлежащие являются скрытыми, поскольку они обозначены в окончаниях безличных глаголов [8, с. 273]. Подобную точку зрения находим и у В.Г. Адмони (1909–1993) [1, с. 144, 148].

По мнению Аполлония Дискола, имена имеют лишь одно преимущество перед личным глаголом: в предложении они занимают препозицию. Автор «Синтаксиса» отмечает, что «телам свойственно действовать и подвергаться действиям, поэтому имя, которым обозначаются тела, предшествует глаголу, обозначающему действию» [11, с. 56]. Однако такой

подход не был господствующим в античном языкознании. Так, в одном из комментариев к «Грамматике» Дионисия Фракийца (ок. 170 г. до н.э. – ок. 90 г. до н.э.) сказано: «Глагол по природе старше имени, так как действия старше существей» [11, с. 56].

Автор «Синтаксиса» разделял слова, сочетающиеся с именами и личными глаголами на несколько групп. Первую составляют «перворазрядные распространители» (актанты, в терминологии Л. Теньера), т.е. имена, которые зависят от личной формы глагола («*Иван читает книгу*»). Вторая группа представляет собой «второразрядные распространители», т.е. слова, зависящие от имён существительных в именительном падеже («*Красивая берёза растёт у дома*). Наконец, третья группа – это «третьеразрядные распространители», т.е. слова, подчиняющиеся «второразрядным распространителям» («*Очень сильный спортсмен победил в соревнованиях*») [16, с. 175–179]. Аполлоний Дискол полагал, что «в зависимости от семантико-синтаксических особенностей слово либо принимает к себе другую "часть речи"», оставаясь доминирующей («*Путники утомились*». – Н.К.), либо присоединяется, уточняя и дополняя основное слово («*Весёлая детвора резвилась*», «*Отец гордился сыном*». – Н.К.), либо замещает отдельные «части речи» в их функции («*Студент зашёл в аудиторию. Он тихо присел за парту*». – Н.К.) [11, с. 68].

В «Синтаксисе» можно найти фрагменты, в которых автор касается вопроса о второстепенных членах предложения. При этом необходимо понимать, что Аполлоний Дискол не использовал привычную для нас синтаксическую терминологию, употребляя вместо неё морфологическую. Например, для обозначения определения он использует выражение: *ἐπιθετόν* «определяющее имя». По мнению Аполлония Дискола, слова, составляющие эту грамматическую категорию, – «могут выражать качество, количество, порядок, происхождение, притяжательность»: «*храбрый воин*», «*второй день*», «*моя дочь*», «*их дом*» [26, с. 232]. Определения, как считал ученый, – это не только прилагательные, но и имена-приложения, притяжательные местоимения, причастия, числительные, т.е. слова, выражающие «свойства имени» [26, с. 232].

Л.Н. Гаврило верно подметила, что «александрийский грамматик терминологически не разграничивал согласованных и несогласованных определений», обозначая их словом *ἐπιθετα*. Кроме того, к определениям он относил и примыкающие слова – наречия, что объясняют влиянием стоек, которые, по свидетельству Присциана (кон. V в. н.э. – нач. VI в. н.э.), считали наречия «прилагательными глаголами» [11, с. 73]. К определениям Аполлоний Дискол относил наречия, обозначающие качество действия («*Оратор красиво читает стихи*»), время («*Завтра придут гости*»), место («*Здесь меня ждёт семья*») и образа действия («*Быстро пробежала антилопа*») [11, с. 73–74]. «Все эти слова, – как отмечает Л.Н. Гаврило, – Аполлоний причисляет к "эпитетам", так как наречию, по его мнению, присуща определительная связь с глаголами» [11, с. 74].

Р.М. Оленич полагал, что «У Аполлония было также некоторое представление об "обстоятельстве" как члене предложения, но он не дал этому понятию специального термина» [26, с. 232]. Например, в предложениях типа «*Я ждал брата в доме*» и «*В гимназии поэт познакомился с лучшими друзьями*» предложно-падежные формы *в доме* и *в гимназии*, по мысли александрийского грамматика, «выполняют роль дополнителей значения глаголов», хотя «имеется в виду обстоятельство места» [26, с. 232].

Исследователи отмечают, что идеи Аполлония Дискола повлияли на римскую (Присциан), византийскую (Аркадий, Михаил Синкелл, Григорий Коринфский) и славянскую грамматическую традицию [13, с. 3; 14, с. 9; 25, с. 6, 18–20]. Кроме того, александрийский грамматик предвосхитил появление некоторых синтаксических концепций XIX–XX вв. Аполлония Дискола, считавшего, что личная глагольная форма является доминантой предложения, можно с уверенностью назвать одним из первых вербоцентристов в античном языкознании. Идея абсолютного господства глагола-сказуемого в предложении высказывалась в русском языкознании во второй половине XIX в. Так, А.А. Дмитриевский писал: «Не два главных члена в предложении, а только один. Сказуемое есть неограниченный властитель, царь предложения: если есть в предложении, кроме него, другие члены, они строго ему подчинены и от него только получают свой смысл и значение; если нет их, даже подлежащего, сказуемое само собой достаточно выражает мысль и составляет целое предложение» [15, с. 22–23]. Другими словами, «само предложение есть не что иное, как сказуемое, или одно, или с приданными ему другими членами» [15, с. 23]. Среди современных отечественных и зарубежных лингвистов есть немало сторонников вербоцентрического подхода (подробно см. [18, с. 29]).

Взгляды Аполлония Дискола, согласно которым синтаксис – это правила, по которым слова сочетаются в «законченное высказывание» с учётом их значений и функций, признание личного глагола отправной точкой («центральным узлом») при построении предложения, а также понимание, что наличие или отсутствие именных распространителей при глаголе связано с его семантикой, «содержит зародыш теории валентности и перекликается с учением о факультативной и обязательной сочетаемости языковых единиц» [11, с. 169].

Как известно, зарождение и развитие валентностного синтаксиса обычно связывают с именем французского лингвиста Люсьена Теньера, который в работе «Основы структурного синтаксиса» (1959) отмечал, что слова в предложении сочетаются друг с другом, образуя «иерархию синтаксических связей». На её вершине, по его мнению, находится глагол-сказуемое, который подчиняет себе все остальные слова в предложении и формирует центральный узел, выражающий «своего рода **маленькую драму**», в которой «обязательно имеется действие, а чаще всего также **действующие лица** (актанты – Н.К.) и **обстоятельства** (сирконстанты – Н.К.)» [32, с. 26, 117]. По мысли Л. Теньера, «**актанты** – это всегда **существительные** или их эквиваленты», а «**сирконстанты** – это всегда **наречия** (времени, места, способа

и пр.) или их эквиваленты» [32, с. 26, 117–118]. Способность глагола управлять актантами французский языковед назвал *валентностью* [32, с. 250]. При этом принято считать, что этот термин был введён в языкознание С.Д. Кацнельсоном (1907–1985), который употреблял его в статье «О грамматической категории» (1948). Л. Теньер выделял глаголы без актантов («Рассвело», «Морозит»), глаголы с одним актантом («Альфред падает»), глаголы с двумя актантами («Альфред ударяет *Бернара*») и глаголы с тремя актантами («Альфред даёт книгу Шарлю») [32, с. 26, 121–123]. Очевидно, что многие положения валентностного синтаксиса созвучны идеям Аполлония Дискалола.

Кроме того, идея Аполлония Дискалола о влиянии семантики личного глагола на отсутствие или наличие определённых именных распространителей также нашла последователей в истории развития грамматической мысли. Например, П.М. Перевлеский отмечает, что глаголы, «требующие дополнения», являются *относительными*, а сказуемые, для которых наличие зависимых имён существительных необязательно, «называются *неотносительными*»: «Беда одна *не приходит*»; «Деньги много *могут*, а правда *царствует*» [27, с. 19]. В начале XX в. немецкий лингвист Антон Марти (1847–1914) предложил

разграничение автосемантии (семантической самодостаточности языковых компонентов) и синсемантии (семантической недостаточности языковых компонентов), которое «с последующей детализацией и привязкой к частям речи и другим единицам не утратило своего значения до сих пор» [23, с. 406].

Выводы

Лингвистическое наследие Аполлония Дискалола, несомненно, представляет научный интерес для исследователей, поскольку он высказал ряд идей, во многом опередивших своё время и предвосхитивших появление некоторых современных синтаксических теорий и концепций. Мысль о господстве личной глагольной формы в структуре «самодостаточного выражения» позволяет нам считать этого александрийского грамматика одним из первых вербоцентристов в античном языкознании, а понимание синтаксиса как учения о сочетаемости слов (частей речи) в зависимости от их значений и функций небезосновательно стало причиной называть Аполлония Дискалола предтечей валентностного синтаксиса.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Адмони В.Г. О двусоставности предложения // Учёные записки Первого ЛГПИИЯ. Новая серия. Вып. 2. Л., 1955. С. 131–172.
2. Александров Н.М. Проблема второстепенных членов предложения в русском языке // Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1963. Т. 236. С. 3–391.
3. Алефиренко Н.Ф. История лингвистических учений : учебное пособие для студентов, магистрантов и аспирантов филологических специальностей. Белгород : ИД «Белгород»: НИУ «БелГУ», 2013. 404 с.
4. Алпатов В.М. История лингвистических учений : учебное пособие. 4-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2005. 368 с.
5. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. С.Ф. Гончаренко. 2-е изд., стер. М. : Академия, 2005. 672 с.
6. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О.М. Фрейденберг. М.-Л. : ОГИЗ – СОЦЭКГИЗ, 1936. 342 с.
7. Арутюнова Н.Д. Синтаксис // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / глав. ред. В.Н. Ярцева. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 448–451.
8. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М. : Учпедгиз, 1959. 623 с.
9. Виноградов В.В. Синтаксические взгляды профессора А.В. Добиаша // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М. : Наука, 1975. С. 328–356.
10. Гаврило Л.Н. Синтаксическая система Аполлония Дискалола : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 22 с.
11. Гаврило Л.Н. Синтаксическая система Аполлония Дискалола : дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1982. 189 с.
12. Гаспаров Б.М. Лингвистическая концепция Московской школы и проблема структурного описания языка // Труды по русской и славянской филологии. Т. XVI. Серия лингвистическая. Из истории русского языкознания. Тарту, 1970. С. 173–207.
13. Гринцер Н.П. Теория синтаксиса в становлении античной грамматической традиции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 19 с.
14. Гринцер Н.П. Теория синтаксиса в становлении античной грамматической традиции : дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 153 с.
15. Дмитриевский А.А. Практические заметки о русском синтаксисе: II. Два ли главных члена в предложении? // Филологические записки. Вып. IV. Воронеж, 1877. С. 15–37.
16. Добиаш А.В. Синтаксис Аполлония Дискалола. Киев : Типография К. Н. Милевского, 1882. VI, 184. XXXII с.
17. Корнилов Н.В. Логические идеи Стоицизма и современная синтаксическая наука // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (269). С. 85–90.
18. Корнилов Н.В. Синтаксические идеи А.А. Дмитриевского : монография. Владимир : Издательство ВлГУ, 2020. 96 с.
19. Лоя Я.В. История лингвистических учений : материалы к курсу лекций. М. : Высшая школа, 1968. 308 с.

20. Лукин О.В. История языкознания с VI в. до н. э. до середины XX в. : учебное пособие. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. 80 с.
21. Люгемиль К.Я. (рец.) Добиаш (Антон). Синтаксис Аполлония Дискола. Киев. 1882 // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1883. Ч. ССXXIX. Сентябрь. Отд. III. С. 113–138.
22. Мажуга В.И. Понятие «действие» и общее определение глагола у стоиков и их последователей // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 7, ч. 1. СПб., 2011. С. 236–296.
23. Мурзин Л.Н. Психологическое направление (лингвистический психологизм) в языкознании // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / глав. ред. В.Н. Ярцева. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 405–406.
24. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История науки о языке : учебник. 4-е изд., стереотип. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. 376 с.
25. Никольский Б.М. Истоки славянской грамматической теории (трактат «О восьми частях слова» и греческие грамматики) : автореф. дис. ... канд филол. наук. М., 1995. 20 с.
26. Оленич Р.М. Александрийская грамматическая школа // История лингвистических учений. Древний мир. Л. : Наука, 1980. С. 214–233.
27. Перевлеский П.М. Начертание русского синтаксиса, изданное Петром Перевлеским. М. : Университетская типография, 1847. XX, [2]. 193 с.
28. Перевлеский П.М. Начертание русского синтаксиса, изданное Петром Перевлеским. 2-е изд., попр. и доп. М. : Университетская типография, 1848. [2], II, IV–V. 207 с.
29. Перельмутер И. А. Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. СПб.: Наука, 1991. С. 7 – 66.
30. Поликарпов Е.А. Из учения Аполлония Дискола о грамматических лицах // *Philologia classica*. Вып. 7: Tradita non explorata. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. С. 96–109.
31. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М. : ОНИКС 21 век : Мир и образование, 2003. 623 с.
32. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М. : Прогресс, 1988. 656 с.
33. Томсен В. История языковедения до конца XIX века (Краткий обзор основных моментов). М. : Учпедгиз, 1938. 160 с.
34. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 1. М. : Учпедгиз, 1956. 450 с.
35. Цицерон М.Т. О государстве. О законах. М. : Академический проект, 2020. 249 с.
36. Шарафудинова Н.С. Теория и история лингвистической науки : учебник. 3-е изд., испр. и доп. Ульяновск : УлГТУ, 2012. 346 с.
37. Шулежкова С.Г. История лингвистических учений : учебное пособие для студентов филологических факультетов. М. : Флинта : Наука, 2004. 400 с.

References

1. Admoni, V.G. (1955) O dvusostavnosti predlozheniya [On the two-part sentence]. *Uchonyye zapiski Pervogo LGPIYA*. Novaya seriya. (2), 131–172. (In Russian)
2. Aleksandrov, N.M. (1963) Problema vtorostepennykh chlenov predlozheniya v russkom yazyke [The problem of secondary members of the sentence in Russian]. *Uchonyye zapiski LGPI im. A.I. Gertsena*. (236), 3–391. (In Russian)
3. Alefirenko, N.F. (2013) *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of Linguistic Doctrines]. Belgorod, ID "Belgorod", NIU "BelGU". 404 p. (In Russian)
4. Alpatov, V.M. (2005) *Istoriya lingvisticheskikh issledovaniy* [History of Linguistic Studies]. Moscow, Yazyk slavyanskoi kul'tury. 368 p. (In Russian)
5. Amirova, T.A., Ol'khovikov, B.A., Rozhdestvenskii, Yu.V. (2005) *Istoriya yazykoznaniiya* [History of linguistics: Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, Akademiya publ., 672 p. (In Russian)
6. Freydenberg, O.M. (ed.) *Antichnye teorii yazyka i stilya* [Ancient theories of language and style]. Moscow, Leningrad, OGIz – SOTSEKGIz publ., 342 p. (In Russian)
7. Arutyunova, N.D. (1998) Sintaksis [Syntax]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Yazykoznanie* [Big encyclopedic dictionary. Linguistics]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya publ., pp. 448–451. (In Russian)
8. Buslayev, F I. (1959) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz publ., 623 p. (In Russian)
9. Vinogradov, V.V. (1975) Sintaksicheskie vzglyady professora A.V. Dobiasha [Syntactic views of Professor A.V. Dobias]. In: *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Studies in Russian grammar]. Moscow, Nauka publ., pp. 328–356. (In Russian)
10. Gavrilov, L.N. (1983) *Sintaksicheskaya sistema Apolloniya Diskola. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Syntactic system of Apollonius Diskol. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow. 22 p. (In Russian)
11. Gavrilov, L.N. (1982) *Sintaksicheskaya sistema Apolloniya Diskola. Diss. kand. filol. nauk* [Syntactic system of Apollonius Diskol. Cand. philol. sci. diss.]. L'vov. 189 p. (In Russian)
12. Gasparov, B.M. (1970) Lingvisticheskaya kontseptsiya Moskovskoi shkoly i problema strukturnogo opisaniya yazyka [The linguistic concept of the Moscow school and the problem of the structural description of the language]. In: *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. T. XVI. Seriya lingvisticheskaya. Iz istorii russkogo yazykoznaniiya* [Works on Russian and Slavic Philology. Vol. XVI. The series is linguistic. From the history of Russian linguistics]. Tartu, pp. 173–207. (In Russian)

13. Grintser, N.P. (1991) *Teoriya sintaksisa v stanovlenii antichnoi grammaticheskoi traditsii. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Syntax theory in the formation of the ancient grammatical tradition. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow. 19 p. (In Russian)
14. Grintser, N.P. *Teoriya sintaksisa v stanovlenii antichnoi grammaticheskoi traditsii. Diss. kand. filol. nauk* [Syntax theory in the formation of the ancient grammatical tradition. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 153 p. (In Russian)
15. Dmitrevskii, A.A. (1877) Prakticheskie zametki o russkom sintaksise: II. Dva li glavnykh chlena v predlozhenii? [Practical notes on Russian syntax: II. Are there two main terms in the sentence?]. *Filologicheskie zapiski*. (IV), 15–37. (In Russian)
16. Dobiash, A.V. (1882) *Sintaksis Apolloniya Diskola* [Syntax of Apollonius Diskol]. Kiev, Tipografiya K.N. Milevskogo. VI, 184. XXXII p. (In Russian)
17. Kornilov, N.V. (2015) Logicheskie idei stoikov i sovremennaya sintaksicheskaya nauka [Logical ideas of the Stoics and modern syntactic science]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (269), 85–90. (In Russian)
18. Kornilov, N.V. (2020) *Sintaksicheskie idei A. A. Dmitrevskogo* [Syntactic ideas of A.A. Dmitrevsky]. Vladimir, Izdatel'stvo VIGU. 96 p. (In Russian)
19. Loya, Ya.V. (1968) *Istoriya lingvisticheskikh uchenii: Materialy k kursu lektsiy* [History of linguistic teachings: Materials for a course of lectures]. Moscow, Vysshaya shkola publ.. 308 p. (In Russian)
20. Lukin, O.V. (2015) *Istoriya yazykoznaniya s VI v. do n. e. do serediny XX v.* [The history of linguistics from the VI century. BC e. to the middle of the XX century]. Yaroslavl', RIO YAGPU. 80 p. (In Russian)
21. Lyugebil', K.Ya. (rets.) Dobiash (Anton). *Sintaksis Apolloniya Diskola*. Kiyev. 1882 [Dobiash (Anton). Syntax of Apollonius Discolus. Kyiv. 1882]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (ZHMNP)*. (CCXXIX), 113–138. (In Russian)
22. Mazhuga, V.I. (2011) *Ponyatie «deistvie» i obshchee opredelenie glagola u stoikov i ikh posledovatelei* [The concept of "action" and the general definition of the verb among the Stoics and their followers]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Metropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research]. St. Petersburg. Vol. 7, iss. 1, pp. 236–296. (In Russian)
23. Murzin, L.N. (1998) *Psikhologicheskoe napravlenie (lingvisticheskii psikhologizm) v yazykoznanii* [Psychological direction (linguistic psychologism) in linguistics]. In: Yartseva V.N. (ed.) *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Yazykoznaniye* [Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Yazykoznanie]. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, pp. 405–406. (In Russian)
24. Nelyubin, L.L., Khukhuni, G.T. (2011) *Istoriya nauki o yazyke* [History of language science]. Moscow, FLINTA, Nauka publ. 376 p. (In Russian)
25. Nikol'skii, B.M. (1995) *Istoki slavyanskoi grammaticheskoi teorii (traktat «O vos'mi chastyakh slova» i grecheskie grammatiki)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The origins of Slavic grammatical theory (treatise "On the eight parts of the word" and Greek grammars). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow. 20 p. (In Russian)
26. Olenich, R.M. (1980) *Aleksandriyskaya grammaticheskaya shkola* [Alexandrian Grammar School]. In: *Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Drevnii mir* [The history of linguistic teachings. The Ancient World]. Leningrad, Nauka publ.. pp. 214–233. (In Russian)
27. Perevlesskii, P.M. (1847) *Nachertanie russkogo sintaksisa, izdannoe Petrom Perevlesskim* [Inscription of Russian syntax published by Peter Perevlessky]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. XX, [2]. 193 p. (In Russian)
28. Perevlesskii, P.M. (1848) *Nachertanie russkogo sintaksisa, izdannoe Petrom Perevlesskim* [Inscription of Russian syntax published by Peter Perevlessky]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. [2], II, IV–V. 207 p. (In Russian)
29. Perel'muter, I.A. (1991) *Grammaticheskoe uchenie modistov* [Grammatical doctrine of modists]. In: *Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Pozdnee Srednevekov'e* [History of linguistic teachings. Late Middle Ages]. St. Petersburg, Nauka publ., pp. 7–66. (In Russian)
30. Polikarpov, Ye.A. (2007) *Iz ucheniya Apolloniya Diskola o grammaticheskikh litsakh* [From the teachings of Apollonius Diskol on grammatical persons]. In: *Philologia classica. Vyp. 7: Tradita non explorata* [Philologia classica. Issue 7: Tradita non explorata]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 96–109. (In Russian)
31. Rozental', D.E., Telenkova, M.A. (2003) *Spravochnik po russkomu yazyku. Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Handbook of the Russian language. Dictionary of linguistic terms]. Moscow, ONIKS 21 vek, Mir i obrazovaniye. 623 p. (In Russian)
32. Ten'yer, L. (1988) *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Fundamentals of structural syntax]. Moscow, Progress publ. 656 p. (In Russian)
33. Tomsen, V. (1938) *Istoriya yazykovedeniya do kontsa XIX veka (Kratkii obzor osnovnykh momentov)* [The history of linguistics until the end of the XIX century (A brief overview of the main points)]. Moscow, Uchpedgiz publ. 160 p. (In Russian)
34. Fortunatov, F.F. (1956) *Izbrannyye trudy. T. 1* [Selected Works. Vol. 1]. Moscow, Uchpedgiz publ. 450 p. (In Russian)
35. Tsitseron, M.T. (2020) *O gosudarstve. O zakonakh* [About the state. About laws]. Moscow, Akademicheskii proekt. 249 p. (In Russian)
36. Sharafutdinova, N.S. (2012) *Teoriya i istoriya lingvisticheskoi nauki* [Theory and history of linguistic science]. Ulyanovsk, UGTU. 346 p. (In Russian)
37. Shulezhkova, S.G. (2004) *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [The history of linguistic teachings : a textbook for students of philological faculties]. Moscow, Flinta, Nauka publ. 400 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 31.07.2023
Подписана в печать 28.09.2023

Original article
UDC 81-112
DOI 10.47438/2309-7078_2023_3_118

SYNTACTIC IDEAS OF APOLLONIUS DISCOLUS

Nikolay V. Kornilov¹

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs¹
Vladimir, Russia

¹*Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations,
ORCID ID: 0000-0003-3632-1968, tel.: 8(4922)479-987, e-mail: kornilov_nikolai@mail.ru*

Abstract. The author of the publication refers to the scientific heritage of the Alexandrian grammarian Apollonius Discolus, who is often called the founder and “father” of syntax in ancient Greece. Unfortunately, we have scant information about his life. Many works by Apollonius Diskolus have not survived. The article discusses and analyzes the main syntactic ideas of this Alexandrian grammarian, which are contained in his work “Syntax of parts of speech” and allow you to get a certain idea of the syntactic system he created. The author of the article notes that it is based on the doctrine of the compatibility of parts of speech in a “self-sufficient statement”, taking into account their semantics and functions. The basis of such a structure is the name (ὄνομα) and the personal verb (ῥῆμα), and other parts of speech are attached to them according to certain laws and rules. At the same time, the personal verb form, according to Apollonius Discolus, is the “central node” (dominant) of the sentence (verbocentrism). In addition, the influence of the syntactic views of Apollonius Diskol on the further development of linguistics is shown. Excerpts from the works of Russian and foreign linguists are given, which contain similar judgments and thoughts. Many of the ideas expressed by this Greek grammarian continue to be relevant for modern syntactic science. The novelty of the publication lies in the very subject of analysis, which, in the aspect chosen by the author, has not been specially studied before.

Key words: Apollonius Discolus, syntax, “self-sufficient statement”, sentence, name, personal verb form, sentence dominant, verbocentrism, subject, predicate, attribute, adverbial.

Cite as: Kornilov, N.V. (2023) Syntactic ideas of Apollonius Discolus. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (3), 118–128. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2023_3_118

Received 31.07.2023

Accepted 28.09.2023